

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК IV

Под редакцией

академика В. В. Струве и А. В. Королева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

Т. К. Шафрановская

МОНГОЛИСТ XVIII ВЕКА ИОГАН ИЕРИГ

И. Бакмейстер писал в 1776 г. о библиотеке Академии наук: «Библиотека обильно снабжена тангутскими и монгольскими письмами, кои писаны золотом, серебром и чернилами; но за незнанием сих языков не имеем дальнейшего о них сведения. С некоторого времени Академия для обучения помянутым языкам содержит между сими народами студента»¹. Бакмейстер имел в виду Иогана Иерига (Jaerig, Jähig), находившегося в 1776 г. возле Астрахани и изучавшего по предложению Академии наук калмыцкий язык. Студентом в обычном понимании этого слова он не был. В Академии его называли переводчиком, а позднее эмиссаром Академии.

В 1779 г. были напечатаны извлечения из отчетов Иерига, присланных в Академию наук (о цвете лица калмыков, о средствах калмыков против кожных болезней, о водяных крысах, о средстве калмыков от гангрены, о средстве тех же кочевников, вызывающем кровотечение из носа, о растении, называемом *Prepantes chondrilloides*)². Опубликованное извлечение привлекло внимание современников. В библиографическом издании «Russische Bibliothek» появилось подробное его изложение³.

Через несколько лет академик П. С. Паллас прочитал в Академии наук доклад о путешествиях И. Иерига в районах Астрахани и Селенгинска. Извлечение из доклада было напечатано в 1788 г. в «Nova Acta»⁴.

Адъюнкты по истории Петербургской Академии наук и ее библиотекарь И. Ф. Буссе издавал «Journal von Russland». В 1796 г. Буссе поместил в нем статью о монгольских книгах, рукописях и рисунках буддистских святых, присланных Иеригом в Петербург⁵.

¹ И. Бакмейстер, *Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук*, [СПб.], 1779, стр. 87. Первое издание книги, напечатанное на французском языке, вышло в 1776 г.

² «Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae», vol. I, 1779, pp. 65—68 (отд. «История»).

³ «Russische Bibliothek», vol. VIII, N. 5—6, S. 12—13, издававшаяся Людвигом Бакмейстером (однофамильцем только что упоминавшегося Иогана Бакмейстера).

⁴ «Nova Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae», vol. III, 1888, pp. 81—85 (отд. «История»).

⁵ «Ueber die Mongolische Bücher der hiesigen Academischen Bibliothek», — «Journal von Russland», Bd II, 1796, S. 122—144, 194—200.

Таким образом, в изданиях XVIII в. имя Иерига, занимавшегося изучением монгольских языков, встречается не раз⁶. Но сведения об оставленном им рукописном наследии были сообщены в печати впервые лишь в 1846 г. академиком Б. А. Дорном. В его труде «Das Asiatische Museum» помещены списки рукописей Иерига (главным образом по изучению монгольских языков и истории монгольских народов), хранящихся в Азиатском музее Академии наук⁷. В более поздние годы имя Иерига продолжает встречаться в литературе. Говорится чаще всего о сборах им материалов по монгольскому языкознанию. В общем совершенно очевидно, что во второй половине XVIII в. «сбором материала для изучения монгольского языка занимался переводчик Академии И. Иериг, после которого остались многочисленные материалы по монгольскому и другим языкам». Именно это и сказано в «Истории Академии наук СССР», изданной в 1958 г.⁸

Все же по имеющейся литературе очень трудно составить какое-либо представление о Иогане Иериге (в какой обстановке, при каких обстоятельствах и где именно осуществлялась его деятельность монголиста).

Между тем протоколы Конференции (общего собрания) Петербургской Академии наук, составлявшиеся очень тщательно, содержат много сведений о Иериге⁹. Основываясь преимущественно на этих протоколах, приведем некоторые данные, освещающие условия работы Иерига, уточняющие места его путешествий и содержащие отдельные сведения из его биографии.

* * *

Академик П. С. Паллас возвращался в 1773 г. из длительной и удачной экспедиции по азиатским районам России. На обратном пути в Петербург Паллас остановился в Царицыне (Волгограде). Отсюда он отправил 13 сентября 1773 г. в Академию наук письмо. В нем говорилось, что некто Иоган Иериг предлагает Академии свои услуги на три года с оплатой по сто рублей в год. Далее сообщалось, что Иериг изучал по своему желанию монгольский язык и овладел им настолько, что не только говорил с калмыками, но также читал и понимал их письменность. В 1772 г. Иериг передал академику С. Г. Гмелину (племяннику исследователя флоры Сибири И. Г. Гмелина), направлявшемуся в экспедицию на Кавказ, интересные записки, касавшиеся религии и нравов калмыцкого народа. Иериг предполагал продолжить изучение монгольского языка, ознакомиться с тангутской (тибетской) письменностью и сообщать сведения по истории калмыков. По мнению Палласа, Академии наук следовало поддержать полезные занятия Иерига.

На заседании Конференции Академии наук письмо Палласа было подробно обсуждено. Взвешивались все за и против. Выяснялась возможная польза, которую Академия сможет получить от человека, зна-

⁶ См. также: «Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae», 1782, p. 92; 1783, pp. 31—36, 47; 1784, p. 22; 1792, pp. 9, 21.

⁷ B. Dorn, *Das Asiatische Museum der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, St. Petersburg, 1846, S. 122, 217—218. В настоящее время часть рукописного наследия Иерига находится в Ленинградском отделении архива Академии наук СССР.

⁸ «История Академии наук СССР», т. I, М.—Л., 1958, стр. 409.

⁹ Протоколы Конференции со сведениями о Иериге опубликованы в издании «Протоколы Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 гг.», т. III—IV, СПб., 1900—1911. За интересующие нас годы протоколы составлялись на французском языке конференц-секретарем академиком И. А. Эйлером (сыном Леонарда Эйлера).

ющего монгольский язык. Решили принять предложение Иерига и просить директора Академии В. Г. Орлова о высылке денег. Орлов, обладавший широтой взглядов, согласился с этим мнением Конференции.

В Царицын были посланы письма Палласу и Иеригу. В них высказывалась надежда, что Иериг оправдает доверие, оказанное ему Академией. Паллас был удовлетворен. В следующих своих письмах в Петербург он сообщал, что составляет инструкцию для Иерига, устанавливает круг его обязанностей и переговоров уже с губернатором Астрахани, чтобы Иеригу, находившемуся теперь уже на службе в Академии, оказывалось всяческое содействие.

В XVIII в. при дальних расстояниях, как известно, различные мероприятия осуществлялись довольно медленно. Многое затруднялось и недостаточно четкой доставкой писем и посылок. Через год, 24 декабря 1774 г., Иериг направил в Академию свой четвертый отчет. Он жаловался, что из Петербурга на его первые отчеты никто не откликнулся. Иериг просил еще, чтобы ему выслали необходимые бумаги, которые дали бы возможность получать жалованье. Это позволило бы ему направиться непосредственно к калмыкам и выполнить порученные ему обязанности.

После этого в Конференции забеспокоились. Конференц-секретарь наводил справки в академической канцелярии о посланных бумагах, о первых трех отчетах, которые так и не удалось разыскать. Но постепенно деятельность Иерига налаживалась. 15 апреля 1775 г. он сообщил, что находится сначала в Астрахани, а затем двинулся в Енотаевку (Енотаевск). Оттуда он прислал переводы калмыцких сказок на немецкий язык и сообщение о «чудесах святого» Dordscho Shodbah.

С этого времени присылавшиеся Иеригом отчеты и письма систематически читались на заседаниях Конференции. После этого все, что посылалось Иеригом (отчеты, письма, переводы) передавались Палласу, который рассчитывал воспользоваться материалами Иерига для подготовлявшегося им труда «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften». Первая часть этой работы вышла в 1776 г., а вторая — значительно позже, в 1801 г.¹⁰ Паллас же писал ответы, направлявшиеся из Петербурга Иеригу.

В июле того же 1775 г. Иериг находился в 40 верстах от Енотаевки. Письмо в Петербург он направил «из пустыни» (из степей). Он обращался в Академию с тремя просьбами: увеличить жалованье, так как получаемых им денег не хватало, прислать какой-либо указ, облегчивший бы ему выполнение предъявляемых им требований в особенности вдали от городов, и выслать ему несколько книг из библиотеки Академии наук. Книги должны были оказать ему большую помощь. Конференция полностью поддержала просьбы Иерига об увеличении жалованья, «которое он заслужил своим прилежанием», и о высылке указа. В отношении же книг, запрошенных Иеригом, Конференция не сочла возможным их высылать. В следующих письмах Иеригу пришлось ограничиваться более скромными пожеланиями о предоставлении литературы. Он просил, чтобы ему прислали первую, уже вышедшую часть истории монгольских народов Палласа и календарь («месяцослов») на следующий год, издававшийся Академией и пользовавшийся большим успехом в XVIII в. Эти издания были немедленно отправлены Иеригу, а календарь он получал и на следующие годы.

В конце 1775 г. Иериг сообщал, что ему удалось «в калмыцкой

¹⁰ На основании сохранившихся бумаг Иерига было бы несомненно интересно выяснить, насколько Палласу удалось в его труде о монгольских народах воспользоваться присылавшимися материалами.

орде» подружиться с ламой, который ежедневно давал ему уроки калмыцкого языка. Тогда же Иериг просил, чтобы ему сообщили заглавия калмыцких рукописей, находившихся в Библиотеке Академии наук. Ему хотелось выяснить, нет ли среди них достаточно ценных, которые смогли бы пролить дальнейший свет на историю калмыков. Переписка заглавий рукописей была поручена студенту Н. П. Соколову (впоследствии химик и академик), имевшему представление о калмыцком языке.

Вообще в конце 1775 г. от Иерига было получено много писем и различных материалов о быте и религии калмыков. В начале 1776 г. Географический департамент при Академии наук предложил Иеригу дать ответы на вопросы, относящиеся к географической карте Джунгарии. Иериг постарался подготовить ответы со всей тщательностью.

Директор Академии В. Г. Орлов покинул свой пост. В середине 1775 г. его заменил прирочивый и мелочной С. Г. Домашнев, старавшийся всех подтягивать и подгонять. И Иеригу, несомненно под влиянием Домашнева, писали, что Конференция поручила секретарю указать Иеригу на недопустимость слишком длительных периодов молчания. Иеригу приходилось оправдываться, объяснять, что он долго не писал в ожидании рекомендательного письма, обещанного Академией. Но расставаться с Академией ему не хотелось. Наступил 1777 г., и трехлетний срок заключенного с ним соглашения подходил к концу. Иериг просил, чтобы Академия снова воспользовалась его услугами на условиях, которые в Петербурге сочтут подходящими. Соглашение было продлено на год. И вновь в Академию поступали новые и новые материалы, собиравшиеся Иеригом. Круг его интересов расширялся. Он интересовался Джунгарией, последней войной калмыков, «названной Джунгарской», изучал «тангутский» (тибетский) язык, прислал перевод письма Далай-ламы, сообщил содержание астрологического сочинения индийского происхождения, писал о лечении болезней у калмыков — проглатывании листочков с магическими надписями.

При содействии астраханского губернатора Иериг смог познакомиться с новым учителем тибетского языка, которым был очень доволен. В Петербург он смог уже посылать переводы и извлечения также из сочинений на тибетском языке.

Изредка от переводчика Иерига в Академию поступали образцы растений и животного царства из степей возле Астрахани и Енотаевки. В одной из посылок находились образцы растений, которыми калмыки лечат лошадей. В начале 1779 г. он встречался с другим путешественником, связанным с Академией, — К. И. Габлицем. При его участии в Петербург было послано большое количество трав — *Sāgyāng*, которой калмыки пользовались при лечении различных болезней. В Академии были получены подробное описание и шкурки небольшого зверька *Morin küochüli*. К отчетам Иерига прилагались почти всегда многочисленные дополнения: тетрадь с несколькими рассказами и наблюдениями; извлечение из монгольского сочинения Чингисхана; астрологическая таблица, написанная монгольскими письменами, и т. п. Все это неизменно передавалось в распоряжение Палласа.

В эти годы основным местом пребывания Иерига была Енотаевка. Оттуда он совершал многочисленные экскурсии и подолгу оставался среди калмыков. Несомненную помощь ему оказывало местное начальство. Он сообщал как-то раз, что ждет только прибытия губернатора Якоби, чтобы получить возможность совершать поездки вместе с калмыками. Но многое зависело и от личной инициативы. Иериг просил, например, выслать ему возможно большее количество китайских ду-

хов и эссенций для распределения среди монгольских священников и установления с ними хороших отношений и дружбы. Энергичная деятельность Иерига привела к тому, что даже директор Академии наук Домашнев, всегда подозрительно относившийся к расходам на научные работы, решил в начале 1778 г. продлить соглашение с Иеригом еще на год. Домашнев считал, что пребывание Иерига среди калмыков дает все новые обильные сведения по истории и этнографии этого народа.

Паллас внимательно следил за деятельностью Иерига. Надо было думать в 1779 г. о дальнейшем продолжении заключенного с ним соглашения. Паллас решил, что для всестороннего изучения монгольских народов переводчику Академии следует направиться в район Селенги, где можно лучше изучить также и тибетский язык. Кроме того, Паллас полагал, что Иеригу надо обращать больше внимания на природу тех мест, где он совершал экскурсии сейчас и куда направится в дальнейшем. 19 августа 1779 г. Конференция Академии обсудила и одобрила новую инструкцию.

В конце года от Иерига было получено письмо. Он благодарил Академию за предоставленную ему возможность совершить далекое путешествие на Восток и просил только, чтобы ему присвоили чин, прислали рекомендательное письмо и обеспечили средствами. Выполнения просьб приходилось ждать месяцами, и Иериг направился в длительную экскурсию по калмыцким улусам. Но поездка не была удачной. При падении повозки он сломал себе ключицу. Тем не менее Иеригу удалось собрать образцы растений, семена и минералы (сборы между Уралом и Волгой).

В Петербурге долго рассматривали полученные от Иерига стебли растения, которые дают вязкое вещество. Калмыки жуют это вещество от зубной боли. Химику, тогда еще адъютанту, И. И. Георги поручили произвести химический анализ стеблей и присланного куска вязкого вещества. Путешествие на Восток задерживалось. Иериг постарался получить поручения от калмыцкого духовенства и рекомендательные письма. После всего этого и получения бумаг и средств из Петербурга Иериг двинулся на Восток, но по дороге в Саратове потерял деньги. В письмах из Саратова он умолял, чтобы ему выслали хотя бы 75 рублей для продолжения путешествия. В Петербурге учли создавшееся тяжелое положение, деньги были посланы, и Иериг двинулся по направлению к Оренбургу.

И из Саратова и из Оренбурга Иериг продолжал высылать материалы собранные еще во время его пребывания среди калмыков в районе Астрахани. Большой интерес представляла полученная от него «Карта стран, по которым он ездил в своих путешествиях среди калмыков с 1773 до 1780 г.». Ценными были и его разъяснения непонятных терминов, встречающихся в истории Сибири И. Э. Фишера.

В конце 1780 г. в Петербурге было получено письмо Иерига из Иркутска. Дорога от Красноярска до Иркутска была ужасной. Сильные ливни размыли путь. Вскоре после этого от Иерига был получен счет на 175 рублей 38 копеек, которые он израсходовал на лошадей от Астрахани до Иркутска и проехал при этом 6283 версты. Было постановлено уплатить Иеригу эти деньги за вычетом суммы, предоставленной в начале путешествия.

В Иркутске Иериг не хотел задерживаться. Он надеялся поскорее выехать в Кяхту и совершить путешествие в Тибет. Соответствующие переговоры велись в высоких инстанциях, выдвигались различные предположения, в Петербурге обращались к Строганову и Панину, но пу-

тешество в Тибет не состоялось. Иеригу пришлось обосноваться в населенном месте Гусиное Озеро, где находился крупный дацан (буддийский монастырь). Здесь вскоре удалось установить дружеские отношения с местными ламами. Это дало возможность ознакомиться с рядом книг и рукописей на монгольском и тибетском языках. Иериг считал, что их следовало бы приобрести для библиотеки Академии наук. Но он опасался покупать дублеты. Поэтому Иериг просил выслать каталог монгольских и тибетских книг и рукописей академической библиотеки. На Конференции обсудили вопрос о каталоге и постановили, чтобы И. Бакмейстер, исполнявший обязанности унтер-библиотекаря, составил его. Однако на следующем заседании Бакмейстер сказал, что он не может составить каталога из-за незнания монгольского и тибетского языков, и указал на трудность подыскать кого-либо с такими знаниями.

В следующем письме из района Гусинога Озера Иериг прислал немецкий перевод индийской астрологической рукописи. Он сообщал, что нанятый им учитель тибетского языка поглощает значительную часть его жалованья. Поэтому Иериг хотел даже отказаться от дальнейшей учебы. Это позволило бы уделить больше времени сбору материалов по истории тех мест, где он находился, и различных древностей. Паллас высказал об этом свое мнение, и Конференция согласилась, что тибетский язык должен быть основным занятием переводчика Иерига. Обучение же языку не послужит препятствием для сбора исторических материалов: ведь Иериг до сих пор изучал язык и занимался сборами коллекций. Палласу было поручено написать Иеригу, чтобы он удвоил свои усилия по изучению тибетского языка. Тогда же Иериг прислал и описание пути от Тобольска до Кяхты (перечень населенных мест и почтовых станций). Это описание решено было напечатать в одном из календарей («месяцослов») на будущий год. Сведения Иерига оказались точнее и подробнее тех, которые были уже опубликованы Академией несколько лет назад.

В январе 1781 г. Иериг направился в Удинск (надо полагать, в Нижне-Удинск) и приступил к выполнению нового поручения Академии. Ему было предложено выбрать из местного населения двух учеников. Предполагалось, что Иериг начнет обучать русской грамоте и письму двух юношей, знающих свой родной монгольский (в данном случае бурятский) язык. Со временем, получив образование, изучив русский язык, они могли бы стать переводчиками. Воевода в Удинске отыскал сначала только одного ученика — молодого человека по имени Самуил. Его стали звать Самуилом Шиффером. Со вторым учеником дело сперва не ладилось. Воевода хотел выбрать ученика из какого-то благородного семейства. Потом удалось сговориться с младшим братом Самуила. Второго ученика стали называть Павлом Те-Иеригом. В письмах, направляемых в Петербург, Иериг отзывался с большой похвалой о способностях, прилежании и усидчивости учеников. Несколько раз Иериг настойчиво повторял, чтобы Академия позаботилась об обеспечении Самуила и Павла. После неизбежных проволочек положение учеников упрочилось. А в начале 1782 г. Иериг просил разрешить вычеркнуть имена Самуила и Павла из списков местных жителей и сообщить при ревизии населения, что его ученики приняты на службу в Академию наук.

Большую часть времени Иериг проводил в Гусином Озере. Отсюда он посылал чаще всего свои отчеты и письма. Но отдельные письма он направлял иногда из какой-либо пагоды возле Гусинога Озера, иногда «из пустыни». Сам Иериг продолжал изучать монгольский и

тибетский язык. Он обращал внимание на существенную разницу монгольских диалектов, устанавливал их отличия, интересовался древним монгольским языком. Дело с учителями налаживалось у Иерига с трудом. В середине 1781 г. ему пришлось расстаться с ламой, обучавшим его тибетскому языку. Удовлетворить условия, выдвинутые учителем, не было возможности. Но вскоре ему удалось познакомиться и подружиться со старым ламой Бандида. Иериг отзывался о нем с большой похвалой, перечислял в письмах значительную помощь и различные услуги, оказываемые ламой. Между тем Иериг со своей стороны не имел возможностей, чтобы отблагодарить Бандиду. Поэтому он просил, чтобы Академия вознаградила каким-либо образом достойного учителя. В Конференции все это обсуждалось, и по предложению Палласа решено было выхлопотать Бандиде серебряную медаль. Старому ламе медаль доставила, по-видимому, большое удовлетворение. Но разрешение носить медаль на шее не было прислано. Иериг возобновил свои просьбы — выслать ламе Бандиде официальное разрешение носить медаль на шее. Иериг хотел еще, чтобы Академия приняла ламу в число своих членов-корреспондентов и присудила ему вознаграждение по 15 рублей в год. Для решения первой и третьей просьбы Конференция решила обратиться к директору Академии. В отношении же избрания членом-корреспондентом было постановлено, что такое отличие не доставит удовольствия монгольскому ламе и не подходит для него. Это, по-видимому, не обидело ламу. После назначения в 1783 г. директором Академии Е. Р. Дашковой Иериг прислал изображение *Boungan Gongar*, переданное Бандидой в знак уважения Дашковой.

В течение всего своего пребывания в районе Гусиного Озера Иериг посылал в Петербург многочисленные извлечения и переводы из различных монгольских рукописей и изложения устных преданий. Они касались истории, религии, быта монголов. Он собирал изображения святых, высылал и оригиналы и выполненные им копии. Иериг интересовался тибетскими рукописями, выяснял истоки религии в Индии и существовавшие там астрологические воззрения. Из Гусиного Озера Иериг посылал также образцы лекарств из Индии и Тибета, травы, семена, минералы. Семена пробовали высаживать в Ботаническом саду Академии наук. Покупал Иериг и книги и рукописи, предназначенные для библиотеки Академии наук.

Немало времени отняло у Иерига составление монгольского словаря «*Mongolischer Wörter Spiegel*». Он высылал его в Петербург по частям в течение длительного срока. В одном из своих писем Иериг сообщил, что иркутский генерал-губернатор предложил ему написать подробную историю народов, живущих в районе Иркутска с древнейших времен и до текущего века. Копия этого сочинения «*Nachrichten zur Völker-Geschichte des Nordischen Asiens*» высылалась по частям в Академию.

В начале 1784 г. Иериг срочно покинул Гусиное Озеро. Там свирепствовала эпидемия оспы, и всякие сношения с внешним миром прекратились. Письмо об эпидемии было послано «из пустыни». Во время этих странствий Иеригу посчастливилось найти неизвестный путь из Селенгинска в Иркутск. Новый путь был короче прежнего. Иериг обнаружил еще и другие неизвестные дороги, которые он обследовал верхом. Конференция просила Иерига составить план и описание новой дороги. Он прислал топографическую карту нового пути. Его рукописная карта сохранилась и находится в библиотеке Академии наук СССР: «*Plan verschiedenen Passagen von der Grenz-Pforte bis an den Baikal. Mongolischer Transläuter Johannes Jaehrig invent et fecit etc. 1784, mecz*

Мау». На карте нанесены: Байкал, его речной бассейн, бассейн реки Селенги и пути от берегов Байкала до Кяхты.

Иериг писал достаточно часто и направлял в Петербург многочисленные посылки. Тем не менее при малейшем перерыве в получении от него сведений канцелярия Академии начинала волноваться. Нужны были оправдательные документы для отправки денег. Иеригу в 1784 г. послали напоминание о своевременном представлении отчетов. В ответе Иериг жаловался на тяжелые условия жизни в далеких краях. Между тем он старался выполнять поручения Академии и только что вернулся из путешествия к самой высокой горе между реками Селенгой и Джидой. В пути он собрал образцы растений и многочисленные семена.

В 1785 г. состоялась первая встреча Иерига с Эриком Лаксманом, покинувшим в то время Академию наук. Лаксман жил в Иркутске и, несмотря на свой уход из академиков, поддерживал с учеными Петербурга оживленную переписку. Он совершал экскурсии в районе Иркутска, собирал образцы растений и минералов. Лаксман написал в Петербург, что переводчик Иериг приехал к нему и был очень недоволен старым ламой, с которым он имел дело до сих пор. По-видимому, дружба с ламой Бандидой порвалась по каким-то неизвестным причинам. Кроме того, Иериг жаловался, что без звания и чина он не встречает поддержки со стороны местного начальства. Е. Р. Дашкова ушла жалобы Иерига. Она удовлетворила его просьбы и распорядилась о его возвращении в Петербург. Иеригу было сообщено, что он сможет получить две трети своего годового жалованья и еще 50 рублей на дорогу. Предполагалось, что он двинется в путь осенью 1786 г. А до этого сможет еще побывать на гористых берегах Байкала и собрать для Академии растения, семена и различные корни.

В середине 1786 г. Иериг находился в горных местах возле Байкала. Ему удалось собрать хорошую коллекцию растений. Свое путешествие в Петербург он хотел начать по первому санному пути. Но в начале 1787 г. от Иерига было получено печальное письмо. Он пострадал при падении с лошади. Деньги на дорогу все еще не были получены. Возвращение в Петербург откладывалось. Между тем распоряжение Дашковой о высылке денег было отдано уже более года назад. Иериг, несмотря на плохое состояние здоровья, решил ехать в Иркутск и там дожидаться получения средств на дорогу. Создалось неприятное положение. В Петербурге стали подозревать, что Иериг затягивает свой отъезд и не выполняет распоряжений Дашковой. А Иериг, добравшись до Иркутска, нашел там только ассигнацию в 60 рублей на дорогу, а жалованья не получил.

Эрик Лаксман взялся за улаживание назревавшего конфликта. Он написал подробное письмо в Петербург и приложил к нему длинное разъяснение Иерига. В письме Лаксмана говорилось, что Иериг получил только 60 рублей. С такими деньгами он не мог отправиться в путь с двумя учениками и ящиками с коллекциями. Только один ящик с минералами весил более 20 пудов. А Лаксман хотел еще присоединить к этому грузу значительную коллекцию, собранную им для Академии. Иеригу необходимо нанять четырех лошадей. От Иркутска до Петербурга они будут стоить по меньшей мере 350 рублей. Поэтому Лаксман посоветовал Иеригу вернуться в район Селенгинска, чтобы не терять напрасно времени в ожидании путешествия в Петербург.

В письме самого Иерига содержалось разъяснение по поводу получившейся задержки с возвращением. Все зависело от больших расстояний и медленной доставки писем. Конференция постановила со-

общить обо всем Дашковой, чтобы оказать помощь распоряжениями. 26 июля 1788 г. Лаксман писал, что он сразу же сообщил Иеригу о полученных в Иркутске указаниях и распоряжениях Дашковой и о скором отъезде переводчика в Петербург. В Конференции 27 ноября 1788 г. было получено письмо Иерига из Екатеринбурга (Свердловска). Он сообщал о приезде в этот город. 28 ноября 1788 г. Иериг был в Москве. В Петербург он вернулся в конце 1788 г. В 1791 г. Академия наук присудила ему пожизненную пенсию за его заслуги.

В течение нескольких лет Иериг оставался в Петербурге. А затем по предложению Медицинской коллегии согласился стать переводчиком в комиссии по торговле ревенем. В начале 1794 г. он находился в Кяхте. Теперь Иериг не был связан непосредственно с Академией. Тем не менее с 1792 и до 1795 г. он продолжал интересоваться монгольскими и тибетскими языками. И, как и раньше, в Петербург поступали отчеты о результатах его занятий. Только отчеты и письма посылались теперь в Академию реже. Иериг работал над грамматикой монгольских языков (основы монгольских языков). В 1792 г. от него были получены «Anfangsgründe der Tibätischen Schrift- und Sprach-Lehre». Через два года Иериг прислал «Mongolische Buchstabe-Forschung» с объяснением, каким образом следует пользоваться монгольскими письменными знаками при печатании монгольских текстов. В конце апреля 1795 г. Иериг возвратился в Петербург.

В июне 1795 г. конференц-секретарь И. А. Эйлер сообщил на заседании Конференции о смерти Иогана Иерига — переводчика, много сделавшего для изучения языков и истории монгольских народов, пенсионера с 1791 г. и члена Вольного экономического общества, скончавшегося утром 15 июня 1795 г.

* * *

На протяжении длинного ряда лет с 1773 по 1794 г. Иериг был связан с Петербургской Академией наук. Можно предположить, что он был петербуржцем. Во всяком случае в 1786—1788 гг. переговоры шли все время о его возвращении в Петербург. Двоюродный брат Иерига, выдающийся химик своего времени Т. Е. Ловиц, был также петербуржцем.

Нельзя не обратить внимания на разнообразие работ, выполнявшихся Иеригом. В основном он был монголистом, но в круг его деятельности входило также изучение тибетского языка. Он интересовался не только языкознанием, но также историей и этнографией монгольских народов. Его внимание не раз привлекали и индийские материалы по истории религии и астрологии. К тому же Иериг был еще и естествоиспытателем. Он собирал коллекции минералов, растений, иногда он обращался и к зоологии. Иериг был энциклопедистом, подобно руководителям и основным деятелям знаменитых академических экспедиций 1780—1783 гг. (Паллас, Гмелин, Лепехин, Фальк, Гильденштедт), изучавших все, что им удавалось наблюдать во время путешествий.

Рукописное наследие Иогана Иерига сохранилось. Оно содержит множество материалов, написанных, впрочем, трудным для чтения готическим почерком. В дальнейшем на основании изучения его рукописей удастся несомненно точнее выяснить его место в развитии монголистики в нашей стране в XVIII в.